

Письма М. И. Глинки къ К. А. Булгакову.

"Русскій Архивъ", 1869. No 12

OCR Бычков М. Н.

<http://az.lib.ru>

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Письма, предлагаемыя читателямъ "Русскаго Архива" представляютъ интересъ и какъ матеріалъ для біографіи Глинки, и какъ документы для исторіи Русской музыки, заключающіе въ себѣ сужденія объ искусствѣ геніальнаго ея представителя. Самый языкъ этихъ писемъ, чистый, правильный, при всей его простотѣ и нерѣдко небрежной своеобразности, довольно замѣчателенъ, какъ доказательство того, каково было образованіе въ этомъ отношеніи людей Глинкинскаго поколѣнія, даже не бывшихъ литераторами, но жившихъ съмолоду около кружковъ тогдашняго не обширнаго, но избраннаго литературнаго міра.

Воспоминанія моего отрочества представляютъ мнѣ живо то время, когда Глинка, пріобрѣтшій извѣстность нѣкоторыми превосходными романсами, въ полной порѣ зрѣлой молодости, поставилъ на сцену "Жизнь за Царя" (въ пятницу 27 Ноября 1836; ему было тогда 32 года). Помню хорошо то колебаніе, тотъ разладъ, которые появленіе ея произвели въ Петербургскомъ артистическомъ мірѣ и въ тогдашней публикѣ. Музыкальные педанты, пользовавшіеся тогда большимъ авторитетомъ? говорили о новой оперѣ, презрительно пожимая плечами, и лишь немногіе безпристрастные любители и знатоки утверждали, что Глинка большой, самородный талантъ. Публика, "le gros du public", не знала, кому вѣрить {Одинъ изъ тогдашнихъ аматеровъ, который славился въ гостиныхъ исполненіемъ разныхъ ходячихъ романсовъ, сопровождая свой голосъ фальшивымъ бренчаньемъ на Фортепьянахъ, говорилъ про великое произведеніе, что оно "чѣмъ тебя я огорчила съ барабанами."-- Эта пошлость повторялась въ партерѣ во время представлений. Статьи, печатавшіяся тогда въ Сѣверной Пчелѣ Булгарина, были наполнены хотя вполне невѣжественными, но весьма язвительными отзывами о Глинкѣ; помню, что г. Булгаринъ, не имѣвшій ни малѣйшаго понятія о музыкѣ, вѣроятно, съ непонятыхъ словъ какого-нибудь музыкуса, печаталъ во всеуслышаніе, что Глинка не знаетъ и оркестровки, ибо въ Жизни за Царя оркестръ написанъ слишкомъ низко (?). Эта нелѣпость никого не удивила. К. В. О.}. Многое въ оперѣ Глинки казалось ей, по непривычкѣ и рутинѣ, страннымъ. Едва ли кто нибудь въ средѣ ея осмѣлился бы, не усомнясь и громогласно, объявить, что эта опера не хуже напимѣръ "Капулетовъ и Монтеки" и что музыкальное дарованіе Глинки не ниже таланта увлекательнаго мелодиста Беллини, который былъ тогда въ такой модѣ, что князь В. Ө. Одоевскій говорилъ, что наша публика не только "обеллинилась", но и "взбѣленилась". Но инстинктъ влекъ ее въ театръ, когда давали "Жизнь за Царя" и, когда незабвенная А. Я. Воробьева (въ послѣдствіи супруга славнаго пѣвца О. А. Петрова) пѣвала: "Ахъ не мнѣ бѣдному"*, то почти у всѣхъ въ залѣ наворачивались на глазахъ слезы, и слышны были въ разныхъ мѣстахъ всхлипыванья. Видно, нервы теперь стали крѣпче у людей, хотя тогда меньше было слышно про нервныя болѣзни, чѣмъ нынѣ.

Года три спустя, бывши 17 лѣтнимъ студентомъ, я узналъ Глинку лично. Вскорѣ послѣ того мы сошлись очень близко, не смотря на разительную въ такіе годы разницу возраста. (Глинка былъ 18 лѣтъ старше меня). Извѣстность и авторитетъ его успѣли значительно укрѣпиться. Это было время появленія новыхъ его романсовъ (преимущественно на слова Кукольника), работы надъ оперой "Русланъ и Людмила" и впослѣдствіи самой постановки ея на сцену (въ пятницу, 27 Ноября 1842, ровно 6 лѣтъ послѣ "Жизни за Царя" и на той же сценѣ). Въ эту зиму и особенно, въ слѣдующую, я видѣлъ его безпрестанно, и много ночей проводилъ нашъ дружескій кругъ въ веселыхъ бесѣдахъ, оживленныхъ импровизаціями и пѣніемъ Глинки (онъ превосходно и охотно пѣлъ свои романсы, но изъ чужихъ романсовъ пѣлъ только одинъ: "Любила я твои глаза", графа М. Ю. Віельгорскаго). Много можно бы рассказать про это веселое и любопытное время, но объ этомъ когда нибудь послѣ.

Біографы и критики недавней эпохи, не жившіе въ тотъ періодъ времени и вообще узнавшіе Глинку гораздо позднѣе, а слѣдовательно измѣнившимся отъ лѣтъ и болѣзней, говорятъ во многихъ случаяхъ не точно о постановкѣ и исполненіи "Руслана" и вообще о взглядахъ Глинки на искусство и нѣкоторыхъ музыкантовъ въ лучшую пору его дѣятельности. Я напим. гдѣ-то читалъ, будто онъ въ грошъ не ставилъ Рубини, между тѣмъ, какъ я самъ видалъ его въ восторгѣ отъ этого величайшаго пѣвца